

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ М. ВЕБЕРА*

Д. Г. Кукарников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 марта 2020 г.

Аннотация: *в данной статье анализируются философские истоки и процесс становления гносеологических и методологических принципов социологии Вебера, оказавших наиболее существенное влияние на взгляды немецкого социолога в отношении содержания исторического знания и перспектив исторического развития.*

Ключевые слова: *натурализм и антинатурализм, психологизм, оценка, метод отнесения к ценностям, общезначимое суждение, понимающая социология, идеальный тип, методологический индивидуализм, социальное действие, рационализация.*

Abstract: *this article analyzes the philosophical origins and the process of the formation of the epistemological and methodological principles of Weber's sociology, which had the most significant impact on the views of the German sociologist regarding the content of historical knowledge and the prospects for historical development.*

Key words: *naturalism and anti-naturalism, psychologism, assessment, method of reference to values, valid judgment, understanding sociology, ideal type, methodological individualism, social action, rationalization.*

Творчество Макса Вебера неизменно находилось в фокусе исследовательского интереса социологов, историков, экономистов, философов, культурологов, правоведов, представителей политической науки. Дискуссии вокруг его идейного наследия продолжаются и сегодня, свидетельством чему – появляющиеся с завидной регулярностью многочисленные публикации, защищаемые диссертации [1–8], посвященные анализу различных аспектов его теоретического наследия, выявлению эвристического потенциала веберовской методологии социального познания.

Принципиальный плюрализм, присущий веберовской методологии, на что обращают внимание многие исследователи [9], предопределяет незавершенный, открытый для полемики характер его работ. Карл Ясперс в своей речи памяти Макса Вебера на траурном заседании 17 июля 1920 г. говорит о «фрагментарном» характере его творческого наследия. Он отмечает, что труды, которые на первый взгляд казались завершенными, указывали на то, что выходило за их рамки, требовали

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00406 «Пост-классическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого».

последующей работы, и никакой его труд так и не был полностью закончен. Истоки этой фрагментарности он видит в многообразии научных интересов Вебера, с одной стороны, и в философских основаниях его воззрений – с другой. Анализируя периферические по своим характеристикам темы (в рамках которых исследуется психофизический аспект трудовой деятельности промышленного назначения, анализируется первая русская революция, проводятся исследования логико-методологического типа), Вебер «устремлялся в нужную ему область, но в своем быстро продвигающемся исследовании бросал эту тему, завершив ее обзор и сделав то, что ему представлялось самым необходимым. Центральной оставалась для него социология, но и здесь всё носило у него фрагментарный характер, и фрагментарным оно оставалось при бесконечной пространности и широте его исследования. Это имеет свое глубокое основание в его философской экзистенции. Макс Вебер – сторонник фрагментарности, но в ней он исходит из сознания тотальности и из абсолютного, которое не может быть выражено иным способом» [10, с. 558]. Приведенное высказывание Ясперса, на наш взгляд, очень точно отражает как конкретно-научную ориентированность сочинений Вебера, так и наличие в них глубинной философской интенции («сознание тотальности»), тяготение к абсолютному. Раймон Арон полагает, что веберовская социология находит свое вдохновение в экзистенциалистской философии, говоря о философии вообще как об основном источнике вдохновения Вебера [11, с. 499, 563].

Среди основных тем его исследований такие, как: этическое содержание религий, воздействие религиозных доктрин на хозяйственный уклад общества, анализ религиозных предпосылок генезиса капиталистического пути развития общества, роль городов в развитии социальных и экономических отношений, политического устройства и мысли Запада, социология власти (типология государственного управления и политической власти, условия формирования бюрократического аппарата). Каждая из них по-своему повлияла на содержание исключительно богатого и разнообразного творческого наследия Вебера.

Его сочинения могут быть условно подразделены на следующие четыре группы.

1. Труды преимущественно исторической тематики (исследование производственных отношений в сельскохозяйственной отрасли античной эпохи, общая экономическая история, работы, которые посвящены специфическим немецким проблемам или вопросам современных европейских стран): «К истории торговых обществ в средние века» (1889), «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» (1891), «Положение крестьян в Восточной Германии» (1892), «Социальные причины падения античной цивилизации» (1896), «Аграрные отношения в античности» (1909).

2. Исследования в области методологии социально-исторических наук (эти труды касаются в основном духа, объекта и методологии истории и социологии): «Объективность» социально-научного и социально-по-

литического познания» (1904), «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906), «О некоторых категориях понимающей социологии» (1913), «Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке» (1917), «Политика как призвание и профессия» (1919), «Наука как призвание и профессия» (1920).

3. Очерки по социологии религии: «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), «Хозяйственная этика мировых религий» (1916–1919), «Собрание сочинений по социологии религии» (в 3 т., 1920–1921). Идеи «Протестантской этики...» продолжены сравнительным исследованием наиболее значимых религиозных течений и анализом взаимодействия экономических вопросов, факторов социального характера и религиозных убеждений.

4. Общесоциологический трактат «Хозяйство и общество» [12–13], а также «История хозяйства» – курс лекций, прочитанных в Мюнхене в 1919 г., незадолго до смерти, и опубликованных в 1923 г. [14].

Конечно же, ясно, что невозможно понять М. Вебера, прочтя лишь какую-то часть его работ. Понять его можно только после прочтения его основных научных исследований в области методологии, общей социологии, истории, социологии религии, политики; статей, размещенных в журналах; всех фрагментов, которые ему принадлежат, а также его писем, архивов, записей, сообщений о различных аспектах его жизни. Осмысление процесса концептуализации исторического опыта в трудах Вебера предполагает обращение, по крайней мере, к четырем основным смысловым блокам: 1) общие методологические основания концепции; 2) теоретические принципы изучения религии (социология религии); 3) анализ религиозно-этических предпосылок капиталистического хозяйства; 4) исследование стадияльного соотношения западных и восточных обществ. В настоящей статье, посредством осуществления реконструкции части наследия Макса Вебера, мы рассмотрим процесс формирования исходных философско-методологических оснований исторического знания в его концепции.

Находясь на раннем этапе своего творчества под явным воздействием идей исторической школы политэкономии (Г. Шмоллер, В. Рошер и др.), которая была очень влиятельна в Германии в четвертой четверти XIX в., Вебер глубоко усвоил один из ее основополагающих тезисов о том, что общественную жизнь следует рассматривать в ее целостности, поскольку изучение политэкономии является невозможным без учета институтов, относящихся к праву, политике и религии, а также различных характеристик, среди которых нравственные и психологические.

В это же время активные дискуссии в области методологии социальных наук проходили также в истории, искусствознании, эстетике, философии. Имеются ли у наук о человеке и обществе собственные специфические логико-теоретические основания или они должны строить себя в соответствии с моделью, принятой в естествознании? Каков основной принцип образования понятий в социальных науках? Возможно ли осуществить разграничение между историей и теорией? Могут ли социаль-

ные и исторические науки продуцировать знание, которое имеет всеобщий и необходимый характер, подобно естественным наукам или нет? Поиск ответов на эти вопросы сместил фокус внимания Вебера в сферу философии, прежде всего в область логики и теории познания.

Особенно важной для него была полемика между сторонниками натурализма и антинатурализма. В настоящее время понятия «натурализм» и «антинатурализм» используют для определения двух основных моделей исследования социального феномена. В соответствии с натуралистическим подходом способ изучения феномена общества общественными науками должен совпадать со способом изучения феномена природы естественными науками, при этом в рамках изучения общественных наук исследование социальных явлений должно, как и в естествознании, производиться в эмпирической и аналитической форме (О. Конт). По мнению сторонников подобного подхода, существуют научные законы общественного развития, которые аналогичны законам классического естествознания, но при этом характеризуются более высоким уровнем сложности для изучения (вследствие необходимости учета поведения человека), в связи с чем их можно охарактеризовать в качестве более обобщенных и статистически-вероятностных. Вебер же обосновывал модель научной социологии, противоположную той, что выдвинул Конт (выдающийся польский социолог П. Штомпка называет ее «антипозитивистской» или «гуманистической»). Он считает, что наука не может ограничиваться фактами, которые лежат на поверхности, поддаются наблюдению и восприятию чувствами, она должна проникать глубже, до понимания скрытых значений и ценностей, не подвластных внешней фиксации и связанным с фактами через человеческие действия, намерения и помыслы, а выявление такого рода вещей является возможным только посредством интерпретации, совершаемой разумом [15, с. 18–19]. Данная методология интерпретации общественных явлений, которую предложил Вебер, очень сильно повлияла на дальнейшее развитие герменевтической социологии, а также других областей социологической науки.

Критики натуралистического подхода основывались на кардинальном отличии общества от природы. В человеческой и общественной жизни существуют определенные явления, не встречаемые в природе, а именно значения, нормы, правила, смыслы, символы, ценности. Таким образом, по мнению сторонников антинатурализма, складывается кардинальное отличие между изучением общества социальными науками и изучением природы в связи с фундаментальными различиями не только в самом предмете, но и в основных методах (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Позиция Макса Вебера является однозначной в том плане, что науки о культуре должны характеризоваться наличием в них своего собственного методологического основания, отличающегося от основания естественных наук. По глубокому убеждению Вебера, в качестве оснований для изучения человеческой деятельности не должны выступать те же принципы методологии, на которых основывается астроном

в процессе изучения движения небесных тел. Абстрагироваться от того положения, что человек является сознательным существом, не может ни представитель социологической науки, ни представитель исторической науки, ни представитель экономической науки.

Говоря о безусловной приверженности Вебера линии антинатурализма, следует иметь в виду, что и сам антинатурализм был внутренне неоднороден. П. П. Гайденко совершенно справедливо пишет о существовании в конце XIX – начале XX в. двух основных направлений в понимании вопроса о философско-методологических основаниях истории – философии жизни (В. Дильтей, Г. Зиммель) и близкого к ней неогегельянства (Б. Кроче), с одной стороны, и неокантианства Баденской школы (Г. Риккерт, В. Виндельбанд) – с другой [16, с. 6]. Если представители первого направления полагали, что разграничение гуманитарных («наук о культуре») и естественных наук следует проводить на основе различий их предметов, то представители второго видели главное отличие в применяемых ими методах.

Принимая общую антинатуралистическую ориентацию Дильтея, Вебер вместе с тем решительно не приемлет психологизм, присущий дильтеевской методологии социального познания. Действительно, в познании социально-исторических явлений Дильтей особую роль отводит психологии, но не «экспериментирующей», а «описательной», «понимающей». «Всякая попытка создать опытную науку о духе без психологии никоим образом не может повести к положительным результатам» [17, с. 124–125]. Однако многие мыслители считали, что он чрезмерно преувеличивает значение психологии для понимания проявлений жизни, и обвиняли его в психологизме. Принципиальным противником психологизма был, например, Э. Гуссерль [18]; позднее острой критике его подверг британский философ и историк Р. Дж. Коллингвуд, который писал: «Философия, обработанная с психологической точки зрения, перестаёт быть философией вообще... Утверждать, что история становится понятной только тогда, когда она осмысливается в категориях психологии, означает невозможность исторического знания» [19, с. 166].

Осуществляя разработку метода понимания в качестве основы для постижения жизненных процессов «науками о духе», Дильтей выражает позицию, согласно которой понимание в отношении к культуре прошлого времени является интерпретационным методом, который он назвал герменевтикой – искусством понимания жизненных проявлений, фиксированных в письменной форме. Он определяет герменевтику в качестве методологического фундамента всех гуманитарных знаний. Дильтей говорит о двух видах понимания: понимание своего внутреннего мира, которое достигается через интроспекцию (самонаблюдение), и понимание чужого мира, для осуществления которого используются такие способы, как: вживание, сопереживание, вчувствование (эмпатия). По мнению Дильтея, способность к эмпатии является условием возможности понимания культурно-исторической реальности. Такое понимание – «это не концептуализация, а тотальное осознание духовного состояния

и его реконструкция на основе вчувствования» [20, с. 325]. Кроме того, существенная роль в историческом познании отводится им интуиции, а также биографии и автобиографии.

Уязвимый момент обоснования гуманитарных наук с психологической точки зрения заключается в том, что познание на основе интуиции, через вживание, вчувствование в мир чужой души, не может иметь ту общезначимость, которая является требуемой гарантией достоверности знания. Вебер не может принять позицию психологизма о том, что содержание познания определяют именно психические акты и процессы. Подвергая такой подход критике, он замечает, что «основная ошибка всех теорий (к сожалению, часто принимаемых также и профессиональными историками), которые рассматривают специфически “художественный” и “интуитивный” моменты исторического познания, например, “толкование” характера и деятельности “личностей” как привилегию истории, состоит в том, что вопрос о психологическом процессе возникновения определенного познания смешивается с совершенно другим вопросом – с вопросом о логическом “смысле” этого познания и о его эмпирической “значимости”» [21, с. 9].

Гораздо более близкой для Вебера позицией оказывается неокантианская версия антинатуралистического обоснования истории, которая, безусловно, существенно повлияла на него. Подобно представителям Баденской школы, основывающимся на том положении, что науки о культуре отличаются от наук о природе не различиями самих предметов, а различиями логических методов данных наук, Вебер говорит о логически незначительном различии между предметом исследования естествоиспытателя и представителя гуманитарной науки. Акцент исследования, таким образом, смещается с рассмотрения личности историка, мира его переживаний, на изучение логики образования понятий, которыми оперируют исторические науки. Это означает не что иное, как перевод проблемы из сферы психологической в сферу логической, превращение субъективного мира исторических представлений автора в объективный мир исторической науки.

Эта проблема была обозначена ещё в трудах Вильгельма Виндельбанда, который полагал, что различия между естественными и историческими науками (и прежде всего их методов) базируются на важнейшем отношении, лежащем в основе всего нашего мышления, – на отношении между общим и особенным (единичным). Это отношение Виндельбанд считает абсолютной основой всего научного мышления, раздвоенного на указанные два класса наук. Названное основное отношение имеет значение для обоих классов. Но, к примеру, художник акцентирует свое внимание на всём особенном в его индивидуальных своеобразных характеристиках, а в естествознании познающий разум сохраняет только закономерное, т. е. играющее существенную роль, подводя предмет под общую форму представления, устраняя всё, что не подходит для этой цели.

Виндельбанд подчеркивает, что общее и существенное присутствуют и в социально-историческом познании. Однако здесь они имеют иной

смысл, нежели в естественных науках: в первом случае они означают ценностную связь фактов, во втором – их закономерность. Он полагает, что познание движется между двумя полюсами: на одной стороне находится общее (существенное, закономерное), на другой – особенное (которое он отождествляет с единичным, индивидуальным). Однако эти два полюса существуют не рядом, не порознь, а имеют тесную взаимосвязь между собой. И эта взаимосвязь осуществляется посредством промежуточных звеньев, создаваемых нашим мышлением. Задача познания и состоит в том, чтобы выявить эти промежуточные звенья и посредством их соединить общее и единичное (индивидуальное). «...Достоверность и истинность всех этих промежуточных звеньев коренится в последнем счете в достоверности и истинности указанных двух элементов, соединённых в них посредством логических операций: ощущений и общих положений. Всё, что лежит между тем и этим, доказывается из них путем применения логических законов» [22, с. 228]. Именно в установлении промежуточных звеньев, подчеркивает Виндельбанд, и состоит деятельность всех наук. В этой связи он выступает против двух одинаково ошибочных крайностей, которые состоят в следующем: «Тот, кто владеет лишь общим, не обнаруживает в нём материала для выявления особенного, тот, кто стоит только перед массой особенного, не найдёт пути к общему» [23, с. 213].

Еще одна идея, высказанная другим крупнейшим теоретиком Баденской школы Генрихом Риккертом, сыграла важнейшую роль в формировании основных понятий исторической социологии Вебера – его мысль о разграничении *субъективно-практической оценки и теоретического отнесения к ценности*. «Отнесение некоего индивидуума к некоторой ценности должно быть тщательно отличаемо от прямой его оценки», – пишет он [24, с. 212]. По мнению Риккерта, общее для наук о природе и культуре стремление заключается в преодолении многообразия эмпирических явлений через использование понятий. Однако формирование понятий в естествознании отличается от их формирования в науках о духе. Целью естественных наук является установление общего закона, а цель исторических наук, в соответствии с позицией Риккерта, состоит в том, чтобы познать частное, индивидуальное. Это вовсе не означает, что в исторических науках не используются общие понятия вообще: без применения последних нельзя ничего познавать, ведь в процессе познания индивидуальное восприятие и созерцание превращаются в суждения общезначимого характера. Но, по мнению Риккерта, науки о культуре отличаются от естествознания тем, что для первых общее выступает только в качестве средства, в то время как для второго установление общего является целью.

Каким же образом возможно осуществить общезначимое познание индивидуального и сформулировать общезначимые суждения? Безусловно, историк не может воспроизвести и обобщить всё многообразие эмпирических явлений прошлого. Его задача должна быть сужена и, по мнению Риккерта, состоит в фиксации главных, определяющих харак-

теристик, а для этого необходимо использовать определенный критерий отбора эмпирических данных. Таким критерием стал применяемый им метод отнесения к ценности.

Вебер, как и Риккерт, разводит понятия «оценка» и «ценность»: ценность объективна, а в оценке всегда присутствует элемент субъективности; лишь отнесение к ценности превращает наше индивидуальное впечатление в объективное, общезначимое суждение. «Отнесение к ценности» является единственным способом перехода от полной неопределённости «вчувствования» к некоторой определённости, с помощью которой можно познавать индивидуальные духовные содержания сознания. Именно суждение в качестве акта, который придаёт ценность определённому материалу, определённому содержанию, вырывает объект из сферы только «чувствуемого», субъективного и делает его объективным, перемещает в сферу знания. Одновременно с этим Вебер резко выступает против возможной подмены метода отнесения к ценности (как единственного средства перевода представлений об истории в объективное знание) субъективной оценкой. По его мнению, «наука о культуре, обществе и истории должна быть так же свободна от оценочных суждений, как и наука естественная» [25, с. 9].

Вебер не ставит перед собой задачу целенаправленной разработки некоего особого типа философии истории, полагая, что историческому развитию не присущ закономерный характер. Имплицитно философско-исторический контекст в его трудах присутствует, что особенно явно проявляется в ходе осуществления компаративного анализа сменяющих друг друга великих цивилизаций. Но всё же Вебер позиционирует себя, прежде всего, в качестве социолога, полагая, что главная цель науки (социологии) и задача учёного – описывая и объясняя, устанавливать истину. По его мнению, социология является наукой, которая стремится через истолкование к пониманию социального действия и тем самым к причинному объяснению его протекания и результатов. Такая *«понимающая социология»* поможет постичь исторический процесс с точки зрения социального действия индивида и его решающих мотивирующих элементов.

Основной трудностью понимающей социологии является возможность субъективизма в интерпретации, что может подорвать важнейший для науки принцип объективизма, или независимости знания от того, кто его формулирует. На это указывает, к примеру, Ю. Хабермас, впрочем, полагая, что данная проблема вполне решается. По его мнению, интерпретация обретает характер объективности, если производится в атмосфере открытой дискуссии с участием многих исследователей, в условиях, которые он называл «идеальной речевой ситуацией». Это ситуация, когда участники смогут оценивать утверждения друг друга исключительно на основе разума и доказательств в атмосфере, полностью свободной от любых нерациональных «принудительных» воздействий, включая как физическое, так и психологическое принуждение. Научное

знание, формулируемое и кристаллизующееся в итоге такого вполне демократического дискурса, оказывается свободным от субъективных искажений [26, с. 107].

Главным инструментом в постижении исторической реальности и построении научной теории, выходящей за пределы эмпирического уровня познания, в концепции Макса Вебера является категория «идеальный тип», выступающая в качестве центральной в системе основных социологических понятий. Будучи принципиальным последователем методологического индивидуализма, он определяет действие в качестве человеческого поведения, при связывании действующим или действующими с ним субъективного смысла. «Социальным же действием называется такое, которое по своему подразумеваемому действующим или действующими смыслу соотнесено с поведением других людей и ориентируется на него в своем протекании» [12, с. 68]. Такое действие можно рассматривать либо как набор средств, используемых для достижения определенных практических целей, либо как реализацию определённых конечных ценностей, либо как комбинацию одного и другого. Таким образом, Вебер выделяет первичную частицу для измерения поведения индивида в обществе – *социальное действие*, которое выступает как причина и следствие системы сложных взаимоотношений между людьми.

Как известно, существует четыре основных типа социального действия, которые достаточно подробно описаны и проанализированы в научной литературе [27–28] :

1. *Традиционное действие.*
2. *Аффективное действие.*

(В строгом смысле аффективное и традиционное действия не являются социальными. Вебер выносит их за пределы осмысленности, так как в этих случаях действующий субъект в своей мотивации не опирается на индивидуальный (субъективный) смысл [5, с. 53]. По мнению П. П. Гайдено, «лишь ценностно-рациональное и целерациональное суть социальные действия в веберовском значении слова» [29, с. 20]).

3. *Ценностно-рациональное действие.*
4. *Целерациональное действие.*

Этот последний, по мнению Вебера, в наибольшей степени соответствует понятию идеального типа. «Целерационально действует тот индивид, – отмечает он, – чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно» [30, с. 629]. Здесь присутствует смысловая обусловленность цели мотивом, согласованность цели и средств её достижения становятся мерилем рационального характера деятельности, а сама целерациональная деятельность выступает как эталон *рациональности*.

Каким же образом связаны между собой социология и история в ис-

пользовании концепта «идеальный тип», возможно ли его применение в историческом исследовании? Вебер исходит из признания эмпирического характера как исторического, так и социологического знания, которые ориентированы на познание действительности и не ставят социально-философских вопросов о ее смысловых значениях. История и социальная действительность представляются Веберу в качестве бесконечного многообразия определенных, всегда индивидуальных процессов и явлений, и основную задачу историка он видит в том, чтобы исследовать явления «в их нынешнем облике, а также причины того, почему они исторически сложились именно так, а не иначе» [31, с. 36]. Вместе с тем они в известной степени противоположны, так как социология (также исходя из реального эмпирического материала, как и история) имеет дело не с конкретными явлениями во всей полноте их реальных признаков и характеристик, а лишь с типами этих явлений; она прежде всего формирует типовые понятия и стремится к обнаружению общих правил явлений и процессов, чем и отличается от истории, стремящейся к каузальному анализу, а также к тому, чтобы объяснить индивидуальные, культурно значимые действия, структуры, личности.

В понятии «идеальный тип» не отражается и не повторяется подлинная реальность; он играет роль методологического инструмента, используемого нами в акцентировании той или иной точки зрения, с которой очевидна связь некоего множества различных феноменов. Вебер считает, что при наблюдении реальности в её конкретности, социология всегда должна осознавать собственное отклонение от неё и констатировать характер и меру данного отклонения. Такие понятия, как «капитализм», «христианство», «гражданская экономика» и т. п., могут выступать в качестве идеальных типов. Каждая идеально-типическая конструкция социального действия, к примеру, в экономической сфере, не соответствует действительности, так как отвечает на вопрос о рациональном поведении при ориентации исключительно на хозяйственные цели, в то время как реальное действие может столкнуться с тормозящим влиянием традиций, вмешательством аффектов, заблуждений, воздействием различных факторов внеэкономического характера. «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, т.е. чем более они в этом смысле чужды миру, тем лучше они выполняют свои задачи – как терминологические и классификационные, так и эвристические», – подчеркивает Вебер [12, с. 81]. Задача историка в каждом отдельном случае состоит, следовательно, в том, чтобы соизмерять и сравнивать с ними реальность, определяя степень близости или отдаленности от данной модели.

Литература

1. *Рахманов А. Б.* Социальная философия Макса Вебера : метаморфозы и кризисы / А. Б. Рахманов. – М. : URSS, КРАСАНД, 2012. – 560 с.
2. *Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной» цивилизации / В. Ю. Катасонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2013. – 1072 с.

3. *Ионин Л. Г.* Макс Вебер как повод : курьезы «социальной философии» / Л. Г. Ионин, Э. Н. Ожиганов // Социологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 5–22.
4. *Хабермас Ю.* Теория рационализации Макса Вебера / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 37–60.
5. *Кравец А. С.* Понимание смысла социальной деятельности / А. С. Кравец. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 302 с.
6. *Игнатьева О. А.* Эвристический потенциал концепции политической власти Макса Вебера : дис. ... канд. социол. наук / О. А. Игнатьева. – СПб., 2012. – 187 с.
7. *Куртина И. В.* Конфуцианство и даосизм в социологии религии Макса Вебера : дис. ... канд. филос. наук / И. В. Куртина. – М., 2005. – 203 с.
8. *Кравченко Е. И.* Теория социального действия в западной социологии : от Макса Вебера к феноменологам : дис. д-ра социол. наук / Е. И. Кравченко. – М., 2002. – 368 с.
9. *Кузяков А. В. М.* Вебер о соотношении методов исследования в социологии и исторической науке : дис. ... канд. филос. наук / А. В. Кузяков. – М. : МГУ, 2007. – 199 с.
10. *Ясперс К.* Речь памяти Макса Вебера : выступление перед студентами Гейдельбергского университета на траурном заседании 17 июля 1920 года / К. Ясперс // Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – С. 552–566.
11. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – М. : Прогресс-Политика, 1993. – 608 с.
12. *Вебер М.* Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии. Социология / М. Вебер ; пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 448 с.
13. *Вебер М.* Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии. Общности / М. Вебер ; пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2017. – 432 с.
14. *Вебер М.* История хозяйства : очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер. – Изд. по оставленным лекциям С. Геллемана, проф. истории в Мюнхен. ун-те и М. Палия, доцента Высш. коммерч. шк. в Берлине ; пер. под ред. [и с предисл.] проф. И. М. Гревса. – Пг. : Наука и школа, 1923. – 240 с.
15. *Штомпка П.* Социология : анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
16. *Гайденко П. П.* Макс Вебер о методологии социальных наук / П. П. Гайденко // Вебер М. Исследования по методологии науки. – М. : Информации по общественным наукам АН СССР, 1980. – Ч. 1. – С. 5–39.
17. *Дильтей В.* Предпосылки или условия сознания либо научного познания / В. Дильтей // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С. 121–125.
18. *Куренной В. А.* Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем / В. А. Куренной // Logos. – 2010. – № 5. – С. 166–182.
19. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 482 с.
20. *Дильтей В.* Собр. соч. : в 6 т. / В. Дильтей. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. – Т. 1, Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории. – 762 с.

21. Вебер М. Исследования по методологии науки / М. Вебер. – М. : Ин-т информации по обществ. наукам АН СССР, 1980. – Ч. 1. – 202 с.
22. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи / В. Виндельбанд ; [пер. с нем. С. Франка]. – М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. – 399 с.
23. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. – М. : Юрист, 1995. – 687 с.
24. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Г. Риккерт. – СПб. : Наука, 1997. – 532 с.
25. Вебер М. Избр. произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко.. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социол. мысль Запада).
26. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб : Наука, 2001. – 382 с.
27. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология : Актуальные проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. – М. : Мартис, 1998. – 510 с.
28. Гайденко П. П. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. – М. : УРСС : КомКнига, 2006. – 366 с.
29. Гайденко П. П. Социология М. Вебера / П. П. Гайденко // Вебер М. Избр. произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко.. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–42. – (Социол. мысль Запада).
30. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Вебер М. Избр. произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–643. – (Социол. мысль Запада).
31. Вебер М. Исследования по методологии науки / М. Вебер – М. : Ин-т информации по общественным наукам АН СССР, 1980. – Ч. 2. – 223 с.